

УДК 343.137.9

Якубель Мария Михайловна,
кандидат юридических наук
(Академия Министерства внутренних дел Республики
Беларусь)

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ НАЧАЛА ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ И ЛЕЧЕНИЯ⁶ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И УКРАИНЫ)

В статье рассматриваются нормы уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь и Украины, регламентирующие начало «особого» производства, ведущегося в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости или заболевших психическими расстройствами (заболеваниями) после совершения преступления. Анализируются мнения различных ученых. Выявляются пробелы действующей регламентации и предлагаются пути их устранения.

Ключевые слова: психическое расстройство (заболевание), общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, принудительные меры безопасности и лечения, процессуальные гарантии.

По данным Всемирной организации здравоохранения, более 450 миллионов людей во всем мире страдают психическими заболеваниями. Особенно высокие показатели отмечаются в Европейском регионе, где, согласно данным проведенных исследований, нарушения психического здоровья имеются примерно у 164,8 миллионов человек [1]. Свою долю в формирование приведенных статистических данных внесла и Республика Беларусь. При этом следует отметить, что уровень распространенности психических заболеваний в нашей стране не имеет тенденции к снижению. Так, если в 2005 году на сто тысяч населения Беларуси фиксировались 587,3 случаев первичной заболеваемости психическими и поведенческими расстройствами (кроме заболеваний, связанных с употреблением психоактивных средств), то к 2014 году этот показатель вырос на 30,2% и составил 764,5 случаев на сто тысяч населения [1].⁷

Наличие у субъекта психического заболевания в ряде случаев детерминирует непредсказуемое противоправное поведение, что существенно увеличивает его общественную опасность, но вместе с тем и дает возможность ограничения некоторых его прав и свобод [2, с. 7].

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость существования действенной системы уголовно-процессуальных норм, которая, с одной стороны, обеспечивала

---

⁶ В законодательстве Украины для обозначения аналогичных мер используется категория «принудительные меры медицинского характера».

⁷ Безусловно, увеличение статистических показателей обусловлено не только ухудшением психического здоровья населения, но и рядом иных факторов: улучшением качества медицинского обслуживания, способов и методов диагностики психических патологий; более внимательным отношением граждан к своему психическому здоровью, и, как следствие, увеличением числа случаев обращения за психиатрической помощью и др.

бы надлежащий уровень защищенности прав и законных интересов лиц, страдающих психическими расстройствами, а с другой — гарантировала бы безопасность иных граждан от потенциально опасных деяний психически больных субъектов.

В связи с этим глава 46 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК Республики Беларусь) и глава 39 Уголовно-процессуального кодекса Украины (далее — УПК Украины) посвящены особому виду производства, имеющему место при расследовании уголовных дел в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости, и лиц, заболевших психическим расстройством после совершения преступления. В украинском уголовно-процессуальном законодательстве этот институт фактически сохранил название, которое было присуще ему в период нахождения страны в составе СССР, и именуется «Уголовное производство по применению принудительных мер медицинского характера». Белорусский законодатель пошел по иному пути: с принятием нового уголовно-процессуального закона в 1999 году, соответствующий институт получил наименование «Производство по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения».⁸

Рассмотрение указанных процессуальных институтов обнаруживает как сходные черты, так и существенные различия в их нормативном закреплении. В этой связи представляется целесообразным проведение сравнительно-правового анализа соответствующих норм белорусского и украинского уголовно-процессуального законодательства с целью выявления успешных юридических инициатив, которые могут быть использованы при дальнейшем совершенствовании института принудительных мер безопасности и лечения в Республике Беларусь. В свою очередь, опыт белорусского нормотворчества и правоприменения в указанной сфере может быть полезен при определении направлений последующей оптимизации украинского уголовно-процессуального законодательства.

Одной из центральных проблем упомянутого производства, которая до настоящего времени не получила законодательной регламентации в УПК Республики Беларусь, является вопрос об основаниях его начала. Юридическое закрепление таких оснований имеет решающее значение при определении стартового момента реализации положений всего анализируемого института. Между тем, норма, содержащаяся в ч. 1 ст. 442 УПК Республики Беларусь, регламентирует не основания начала «особого» производства, а основания применения принудительных мер безопасности и лечения. Схожие правовые явления закрепляет и ст. 102 главы 14 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК Республики Беларусь) «Основания назначения принудительных мер безопасности и лечения». Она, детализируя положения упомянутой выше нормы УПК, закрепляет условия, при наличии которых судом принимается решение о назначении конкретного вида принудительных мер безопасности и лечения, применяемых к психически больным.

Сравнительный анализ приведенных норм материального и процессуального права свидетельствует о регламентации одного и того же правового явления: оснований назначения психически больному лицу принудительных мер безопасности и лечения. Вместе с тем указанные обстоятельства по своему содержанию не влекут начало процедурных мероприятий, а входят в уголовно-правовой сегмент института принудительных мер безопасности и лечения. Таким образом, представляется, что основания применения судом указанных мер не являются элементом системы отношений, образующих уголовно-процессуальный институт производства по применению принудительных мер безопасности и лечения, а относятся к категории материального права. Следовательно, норма, содержащаяся в статье 442 УПК Республики Беларусь, носит уголовно-правовой характер и не должна быть закреплена в процессуальном кодексе. В ст. 442 УПК должна найти отражение норма проце-

---

⁸ Новое наименование более точно отразило сущность указанных мер и подчеркнуло общественную опасность лица, обусловленную имеющимся у него психическим расстройством (заболеванием), как основание для их применения.

дурного характера, закрепляющая основания к началу производства по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения.

Приходится констатировать, что УПК Украины в исследуемом вопросе находится несколько впереди, хотя вопрос об основаниях к началу «особого» производства в нем также не получил существенной проработки. Прогрессивность статьи 503 УПК Украины обусловлена тем, что в ее названии («Основания для осуществления уголовного производства по применению принудительных мер медицинского характера») нашел отражение процессуальный характер регламентируемых оснований. Однако содержание статьи вызывает определенные нарекания. Так, в качестве побудительного момента для реализации положений анализируемого производства она закрепляет «наличие достаточных оснований полагать, что:

1) лицо совершило общественно опасное деяние, предусмотренное законом Украины об уголовной ответственности, в состоянии невменяемости;

2) лицо совершило уголовное правонарушение в состоянии вменяемости, но заболело психической болезнью до вынесения приговора».

Исходя из приведенной редакции оснований к началу упомянутого производства, оно должно быть начато не только в отношении лица, которое совершило общественно опасное деяние в состоянии невменяемости и продолжает страдать психическим расстройством во время производства по уголовному делу, но и в отношении лица, которое совершило общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, но после этого выздоровело, либо характер его психического заболевания к моменту производства по уголовному делу не лишает его возможности осознавать значение своих действий или руководить ими. Это представляется не совсем обоснованным, поскольку именно наличие у субъекта психической патологии на момент расследования детерминирует необходимость обеспечить его дополнительными процессуальными гарантиями, направленными на соблюдение и защиту его прав и законных интересов. Если же к периоду проведения юридических процедур лицо психически здорово, либо характер заболевания не лишает его возможности осознавать значение своих действий или руководить ими, то очевидно, что осуществление в отношении него производства в «особом» порядке нецелесообразно. В противном случае процессуальные гарантии, предусмотренные для психически больного, будут фактически реализовываться в отношении лиц, состояние психики которых не препятствует проведению предварительного расследования по делу в «общем» порядке.

Второе из приведенных в ч. 1 ст. 503 УПК Украины оснований — «лицо совершило уголовное правонарушение в состоянии вменяемости, но заболело психической болезнью до вынесения приговора» — вызывает критические замечания в связи с тем, что оно не предполагает дифференциации психических заболеваний в зависимости от их юридических последствий. Так, далеко не любая психическая болезнь, наступившая после совершения преступления, влечет начало «особого» производства, а только та, которая лишает лицо возможности сознавать значение своих действий или руководить ими. Если же характер психической патологии не оказывает существенного влияния на поведенческие возможности субъекта, то она не должна детерминировать изменение порядка досудебного производства, а предопределяет лишь необходимость обеспечения отдельных процессуальных гарантий (например, обязательное участие защитника в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 52 УПК Украины и т. д.).

В теории уголовного процесса отдельные авторы ранее уже исследовали момент возникновения рассматриваемого производства, который неразрывно связан с понятием оснований его начала. Среди них следует отметить А. И. Галагана, А. И. Говрунову, М. Ш. Буфетову, Б. Д. Дергая, П. А. Колмакова, Л. И. Кукреш, Т. А. Михайлову, П. С. Элькинд, А. Г. Яцкевича.

Так, М. Ш. Буфетова в своем диссертационном исследовании уголовно-процессуальными основаниями, необходимыми для начала производства, предложила счи-

тать систему следующих факторов: «1) наличие достаточных данных, указывающих на событие деяния, запрещенного уголовным законом, и соответствие фактических обстоятельств дела признакам конкретного состава преступления; и 2) наличие медицинских или иных документов (сообщения родственников, свидетелей), подтверждающих сомнение следователя в психической полноценности лица, совершившего общественно опасное деяние» [3, с. 16].

Частично разделяя приведенную позицию, А. Г. Яцкевич считает, что обстоятельством, влекущим начало «особого» производства, является факт психического заболевания лица, который может быть установлен не только в заключении судебно-психиатрической экспертизы, но и с помощью других средств доказывания: документов, показаний родных и т. д. [4, с. 13], если они позволяют следователю с полной достоверностью предположить, что последний будет признан невменяемым или заболевшим после совершения преступления душевной болезнью, лишаящей его возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими [4, с. 9].

С приведенными суждениями нельзя согласиться в полной мере, так как предположение о невменяемости лица в момент совершения противоправного деяния не позволяет говорить о соответствии фактических обстоятельств дела признакам конкретного состава преступления, поскольку психическое заболевание субъекта, влекущее признание его невменяемым, исключает наличие таких элементов состава, как субъект и субъективная сторона. Помимо этого, информация, полученная от родственников и свидетелей, может быть недостоверной в силу отсутствия у них специальных знаний в области психиатрии. Следовательно, компетентный вывод о состоянии психики лица на момент расследования может быть сделан только после проведения судебного экспертного исследования.

Позиция А. Г. Яцкевича представляется дискуссионной в той части, в которой он наделяет следователя полномочиями делать юридически значимые выводы о состоянии психики подследственного до получения экспертного заключения (руководствуясь показаниями лиц, несведущих в области психиатрии и медицинскими документами, не содержащими сведений о характере влияния заболевания на поведение субъекта).

По мнению В. Ш. Гасановой, уголовно-процессуальные основания должны быть сформулированы следующим образом: «Производство... осуществляется в отношении лица, страдающего тяжелым психическим расстройством, совершившего запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние, или лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение» [5, с. 10].

Содержание приведенного определения представляется более конкретным, нежели упомянутые ранее, поскольку его автор уже не использует термин «невменяемость» для определения момента начала производства. Однако при его формулировании В. Ш. Гасанова указывает в качестве основания не конкретный признак, детерминирующий производство, а категории лиц, в отношении которых оно должно осуществляться. Кроме того, предложенное определение требует дополнительного разъяснения относительно того, какие психические аномалии подразумеваются под термином «тяжкие психические расстройства».

М. А. Шостак полагает, что основанием к началу «особого» производства является заключение судебно-психиатрической экспертизы о том, что «подозреваемый или обвиняемый является невменяемым» [6, с. 543], а одних лишь сомнений следователя в полноценности психики лица для этого недостаточно.

Мы также убеждены, что получение заключения эксперта-психиатра необходимо, однако на современном этапе развития правоприменительной деятельности вывод о невменяемости субъекта формулируется только судом [7, с. 832], а содержание заключения, составляемого по результатам проведения судебно-психиатрической экспертизы, ограничено в этом вопросе сведениями о наличии заболевания, его характере и степени.

Таким образом, проведенный анализ нормативных положений и авторских позиций позволяет сформулировать вывод о том, что, несмотря на наличие существенного количества теоретических разработок, которые могут быть положены в основу правотворческой деятельности, основания к началу исследуемого производства пока не получили должного закрепления в уголовно-процессуальных законодательствах Республики Беларусь и Украины.

Наряду с вопросом об основаниях упомянутого производства, значимой представляется и проблема документального оформления его начала. Уголовно-процессуальный закон Республики Беларусь ничего не говорит о возможности вынесения по данному поводу отдельного процессуального документа. Как следствие, соответствующий процессуальный документ в ходе производства по делу не составляется и о том, что предварительное расследование осуществлялось по правилам главы 46, в материалах дела зачастую прямо свидетельствует лишь «Постановление о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд».

Отсутствие в законе предписания о необходимости вынесения конкретного процессуального документа порождает непонимание лицами, расследующими дело, принципиального момента начала производства, что влечет разнородность практических подходов. Очевидно, что такое положение не способствует совершенствованию системы процессуальных гарантий прав психически больных лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что в уголовно-процессуальном законе Украины вопрос о документальном оформлении начала производства уже решен положительно. Так, согласно ч. 2 ст. 503 УПК Украины, если во время досудебного расследования будут установлены основания для осуществления уголовного производства о применении принудительных мер медицинского характера, следователь, прокурор выносит постановление об изменении порядка досудебного расследования и продолжает его по правилам, предусмотренным главой 39.

Законодательный опыт Украины следует признать положительным, поскольку вынесение соответствующего документа позволяет обозначить момент начала рассматриваемого производства, способствует конкретизации процессуального статуса его участников и своевременному осуществлению ряда процессуальных гарантий прав и законных интересов лиц, страдающих психическими расстройствами.

Целесообразно отметить, что в юридической литературе предложения четко отграничить рамки «особого» производства от обычного ранее уже высказывались. Так, П. А. Колмаков предлагает выносить в этом случае «постановление о признании лица нуждающимся в применении принудительных мер медицинского характера» [8, с. 14], однако, как справедливо отмечает А. Г. Яцкевич, вынесение следователем такого постановления как бы предрешает судьбу психически больного. Между тем, только суд может решить вопрос о том, нуждается ли данное лицо в применении таких мер [4, с. 8].

В. Ш. Гасанова и Р. М. Шагеева считают возможным выносить «постановление о возбуждении производства о применении принудительных мер медицинского характера», которое и являлось бы началом «особого» производства [5, с. 15; 9, с. 162].

Наиболее приемлемой видится идея А. М. Ларина о том, что соответствующий процессуальный документ необходимо именовать «постановление о начале производства по применению принудительных мер медицинского характера» [10, с. 307]. Впоследствии его поддержал А. Г. Яцкевич [11, с. 94].

В современной белорусской процессуальной науке Л. И. Кукреш для обозначения начала рассматриваемого производства предлагает выносить постановление о прекращении уголовного преследования лица, которое не сознавало характера своего общественно опасного действия или не могло руководить им в силу психического заболевания, и возбуждать производство по применению в отношении него принудительных мер безопасности и лечения [12, с. 300]. Без сомнения, тезис Л. И. Кукреш, равно как и иных указанных выше авторов, о необходимости четкого обозначения момента начала производства

заслуживает поддержки, однако действующее уголовно-процессуальное законодательство не дает оснований говорить о возможности прекращения уголовного преследования в отношении рассматриваемого лица. Так, согласно п. 48 ст. 6 УПК Республики Беларусь уголовным преследованием является процессуальная деятельность, осуществляемая органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, прокурором, частным обвинителем, в том числе и в целях применения к лицу, совершившему общественно опасное деяние, принудительных мер безопасности и лечения. Кроме того, представляется не совсем корректным в названии рассматриваемого процессуального документа использовать термин «возбуждение», поскольку к моменту принятия следователем решения проводить дальнейшее расследование в порядке «особого» производства, уголовное дело, в рамках которого оно будет осуществляться, уже возбуждено. В связи с этим более оправдано, по нашему мнению, говорить о начале «особого» производства.

Таким образом, в целях конкретизации процессуального порядка рассматриваемого производства целесообразно внести в закон указание на то, что решение следователя об осуществлении «особого» производства должно быть оформлено в виде постановления о начале производства по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения.

С момента вынесения указанного выше постановления о начале производства все дальнейшее расследование должно проводиться по правилам главы 46 УПК.

Проведенный теоретико-правовой анализ проблем начала «особого» производства, ведущегося в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами, позволяет сформулировать следующие выводы:

1) действующее уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь характеризуется наличием правового пробела в части закрепления оснований к началу производства по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения, что затрудняет определение конкретного момента начала данного производства и не способствует единству правоприменительной практики. Уголовно-процессуальное законодательство Украины более прогрессивно в указанном вопросе, однако закрепленные в ч. 1 ст. 503 УПК основания требуют существенной законодательной конкретизации для правильного определения категорий субъектов, в отношении которых производство должно вестись в «особом» порядке;

2) в УПК Республики Беларусь до настоящего времени отсутствует норма, предписывающая выносить отдельный процессуальный документ о начале «особого» производства, в то время как в УПК Украины указанный вопрос уже решен положительно. В связи с этим представляется целесообразным закрепить в УПК Республики Беларусь требование о том, что решение следователя об осуществлении «особого» производства должно быть оформлено в виде постановления о начале производства по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения.

Представляется, что реализация указанных предложений будет способствовать совершенствованию системы процессуальных гарантий прав и законных интересов лиц, страдающих психическими расстройствами.

Список использованных источников

1. «10 октября Всемирный день психического здоровья» // Информационное сообщение Санитарно-эпидемиологической службы г. Минска (10.10.2016). URL: minksanepid.by/node/20224. Дата доступа: 10.07.2017.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. 40 с.
3. Буфетова М. Ш. Производство о применении принудительных мер медицинского характера: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Байкал. гос. ун-т экономики и права. Иркутск, 2004. 22 с.

4. Яцкевич А. Г. Процессуальное положение лиц, участвующих в производстве по применению принудительных мер медицинского характера: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Моск. высш. шк. милиции МВД РФ. Москва, 1992. 27 с.
5. Гасанова В. Ш. Производство о применении принудительных мер медицинского характера: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 2006. 20 с.
6. Шостак М. А. Уголовный процесс: учеб. пособие. Минск: ГИУСТ БГУ, 2008. 630 с.
7. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.) / под ред. В. И. Терещилова. М.: Известия, 1987. 1040 с.
8. Колмаков П. А. Процессуальное положение лица, нуждающегося в применении принудительных мер медицинского характера: стадия предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Ленингр. гос. ун-т. Л., 1985. 24 с.
9. Шагеева Р. М. Проблемы применения принудительных мер медицинского характера. М.: Юрлитинформ, 2007. 200 с.
10. Ларин А. М. Производство по делам о применении принудительных мер медицинского характера. *Уголовно-процессуальное законодательство Союза СССР и РСФСР: теорет. модель* / Акад. наук СССР, Ин-т государства и права; под ред. В. М. Савицкого. М., 1990. С. 305–314.
11. Яцкевич А. Г. Производство по применению принудительных мер медицинского характера: правовой статус участников. Минск: Веды, 1999. 104 с.
12. Кукреш Л. И. Невменяемый не может быть обвиняемым. *Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню белорус. науки, Минск, 23 янв. 2009 г.* / Акад. МВД Респ. Беларусь; [ред.: Н. И. Минич и др.]. Минск, 2009. С. 299–300.

Якубель Марія Михайлівна,
кандидат юридичних наук
(Академія Міністерства внутрішніх справ Республіки
Білорусь)

ПРОБЛЕМНІ АСПЕКТИ ПОЧАТКУ ВИРОБНИЦТВА У КРИМІНАЛЬНИХ СПРАВАХ ПРО ЗАСТОСУВАННЯ ПРИМУСОВИХ ЗАХОДІВ БЕЗПЕКИ ТА ЛІКУВАННЯ (НА ПРИКЛАДІ РЕСПУБЛІКИ БІЛОРУСЬ ТА УКРАЇНИ)

У статті розглядаються норми кримінально-процесуального законодавства Республіки Білорусь і України, які регламентують початок «особливого» виробництва, яке ведеться щодо осіб, які вчинили суспільно небезпечні діяння в стані неосудності або захворіли психічними розладами (захворюваннями) після скоєння злочину. Аналізуються думки різних вчених. Виявляються прогалини чинної регламентації і пропонуються шляхи їх усунення.

Ключові слова: психічний розлад (захворювання), суспільно небезпечне діяння, передбачене кримінальним законом, примусові заходи безпеки і лікування, процесуальні гарантії.

Yakubel Mary Michailivna,
Candidate of law sciences
(Academia of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of
Belarus)

THE PROBLEMATIC ASPECTS OF THE CRIMINAL PROCEEDING CONCERNING THE APPLICATION OF THE ENFORCED SECURITY MEASURES AND TREATMENT

In the article of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus and of the Ukraine are examined. The analysis of the opinions of various scientists is carried out. The problems of the procedural regulation are identified and the ways to eliminated it are suggested.

Key words: Mental disorder (illness), a socially dangerous act, provided by Criminal Law, enforced security measures and treatment, procedural guarantees.

Надійшла до редколегії 2.10.2017